

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Л.В. Шаляпина

Общественное сознание в разные эпохи фокусирует свой интерес на определенных точках истории и вырабатывает свои версии доказательств. Б.А. Успенский считает: «Историческое прошлое не дано нам в конкретном опыте и поэтому нуждается в дешифровке и реконструкции. Существуют разные возможности объяснения исторических событий, и, соответственно, одни и те же события могут получить различную интерпретацию – в частности, государственно-политическую, социально-экономическую, культурно-семиотическую и т. д. За каждым из этих объяснений стоит определенная модель исторического процесса, то есть некоторое представление и его сущности» [1, с. 9].

Система переоценок прошлого особенно обостряется в переломные эпохи. XX в. богат радикальными сменами исторических концепций. Слом советской идеологии привел к отказу от социально-политических подходов в оценке явлений искусства, открыл возможности пересмотра прежних доктрин и концепций, посвященных русскому историческому роману, позволил непредвзято выявить стилевое движение современной исторической романистики к новым жанровым формам и новой поэтике в 1960 – 1990-е гг.

Не замеченный и не оцененный в свое время ни читателями, ни литературной критикой роман Вс.Н. Иванова одним из первых отразил начавшиеся в литературе сдвиги, слом официальных версий и подходов. В отличие от А. Чапыгина, А. Толстого. С. Бородин, С. Злобина, Вяч. Шишкова, в творчестве которых наглядно прослеживается соблюдение основных принципов соцреализма в понимании конфликта, движущих сил истории и роли в ней личности, Вс.Н. Иванов, еще опираясь на социальные идеи и считая народ главной движущей силой истории, уже включает в это понятие все сословия и отказывается от классового антагонизма. При этом писатель отдает явное предпочтение не социальным низам, обездоленным и озлобленным, а русским предпринимателям, в которых аккумулируется живая энергия русского этноса. Писателя привлекает становление нацио-

нального промышленного и торгового капитала, отличительной чертой которого автор называет честность, коллективизм, направленность деяний не на личное обогащение, а на укрепление России. В первой части романа автор выделяет слово-образ «муравейник», который вырастает в последующих частях до центральной метафоры труда – муравьиного созидания. Метафорический образ труженика-муравья видоизменяется на протяжении романа – «пчелиный рой», «рыбачья сеть», но сохраняет свою главную сущность – он остается коллективным и созидательным, выступает одним из путей народного правдоискательства.

Отечественная литературоведческая наука советского периода, исследуя жанр исторического романа, из художественной концепции истории полностью исключала религиозное сознание. Несмотря на официальные запреты, религиозность присутствовала в русской ментальности. В произведениях 1960-х гг., среди которых следует назвать цикл В. Пановой «Лики на заре», романы «Русь изначальная» и «Русь великая» В. Иванова, роман «Хмель» А. Черкасова, поэму «Аввакум» В. Федорова, первые романы Д. Балашова, присутствует религиозная проблематика, пусть пока еще не со всей очевидностью, на уровне косвенно-текстовых аналогий, в стилистике речи персонажей, в метафорических образах, подтексте и т. д.

Вс.Н. Иванов, считая первостепенным в структуре общества экономический фундамент, тем не менее огромное внимание уделяет религиозному началу. Русский народ стремится к обретению Царства справедливости следующими путями: 1) построения Царства Божьего на земле а) путем восстаний, бунтов, мятежей; б) путем мирного созидательного труда; 2) обретения Царства Небесного а) путем монашества; б) путем борьбы за старую веру и национальную самобытность. Писателю наиболее близки два пути: созидательного коллективного труда во благо России и духовного самостояния, обретения Царствия Небесного в душе отдельной личности и в коллективной душе всего русского

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

народа. Объединяя эти два начала и ставя на первое место «дело», а на второе место «слово», Вс.Н. Иванов предлагает свой вариант соборности, отличный от представлений русских религиозных философов, отдающих приоритет духовному началу. Создавая образы царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, протопопа Аввакума и руководителя народного восстания Разина, Иванов решает проблему народного и официального вождя, власти и народа, роли личности в истории. Художественная концепция исторической личности измеряется идеей сильной государственности и опорой на народ. Воплощением авторского идеала исторической личности является Аввакум.

Второй этап – 70-е гг. – ознаменован тяготением исторической романистики к усложненным жанровым формам, напряженными поисками новой поэтики. Это было вызвано критической рефлексией авторов, что находило выражение в повышенной эмоциональности повествователя (драматизм, патетика, риторика, ирония) и в «изломах» жанровой структуры (роман-миф, роман-легенда, роман-исповедь, роман-притча, роман-гипотеза, роман-трагедия и т. д.). Обращают на себя внимание романы «Похождение Шипова, или старинный водевиль», «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» Б. Окуджавы, роман «Колесо Фортуны» Н. Дубова, «маленькие романы» «Четыре монолога по поводу святого Георгия», «Имматрикуляция Михельсона», «Час на стуле, который вращается», «Небесный камень», «Третьи горы» Я. Красса. В названных произведениях внимание писателей сосредоточено не на эпохе и ее героях, а на концепции человека, которая подвергается анализу, и этой цели подчиняются изображение героев и действительности. В этих романах общественная история отходит на задний план, а в центре внимания оказывается вымышленный герой и его частная жизнь. Связь героев с историческими событиями ослабевает, зато внутренние связи, организующие мир человека, усиливаются, становятся главным предметом художественного исследования. Особое место в исторической романистике второго этапа принадлежит роману В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю». Выбрав темой романа масштабное восстание Степана Разина, Шукшин отказался от широкой панорамности событий и предельно сжал границы хронотопа, сконцентрировав внимание только на волжском походе казаков и на исследовании психологического облика вождя

восстания. В особом шукшинском хронотопе Разин предстает не только выдающейся личностью русской истории, но человеком, поставленным судьбой перед решением «проклятых» русских вопросов. Борьба классов и политических групп не становится у Шукшина миростроительным материалом. Автор исследует судьбу России через судьбу казачества. При этом Шукшин всячески стремится «окрестянить» Разина. Матвей Иванов нужен автору, чтобы превратить идею казацкой вольницы в общенародную свободу. Роман Шукшина обнаруживает весьма любопытную схему исторического социума, которая является перевернутой и вдвинутой по отношению к схеме официально-исторической, в которой казачество, характеризовалось как сугубо маргинальное явление. Историю Шукшин рассматривает через человека, через его душу и делает человека единицей измерения исторического мира. Шукшинский принцип истории можно назвать антропологическим. Историческая динамика осуществляется через понятие индивидуальной воли. Исследуя проблему воли в разнообразных аспектах, Шукшин главное внимание уделяет аспекту экзистенциальному, что дало нам основание назвать шукшинский принцип истории экзистенциальным. Уделяя особое внимание религиозно-философскому сознанию, возникновение и разрастание которого в пространстве исторического романа определило в большой мере эволюцию художественной концепции истории, мы выявили, что интерес к проблеме духовных основ существования человека закономерно привел Шукшина к проблеме веры. При этом интерес писателя к сфере религиозных переживаний не ограничивается христианством, но включает и языческие элементы. Стремление к обретению веры является глубоко личным мифом Шукшина. Автор и близкие ему по духу герои заняты напряженным богоискательством, уходя от официальной церковности. Но эти поиски остаются внутренне не завершенными. Стремясь к мифотворчеству, Шукшин наделяет Разина чертами христианского мессианства, создает образ нового Христа, «несущего религию Воли», Шукшин значительно модифицировал жанр исторического романа, создал роман-трагедию, киноман, роман-миф, в котором исходным моментом художественного анализа действительности служит концепция человека.

Д. Балашов создавал свой роман в постперестроечное время, когда свобода и плюрализм привели к расширению жанрового и

аксиологического пространства исторической прозы.

Вторая половина 80 – 90-х гг. представляет собой новый этап в развитии исторической романистики. В этот период, когда исторический роман окончательно выходит из-под диктата господствующей государственной идеологии, он сразу же попадает в «объятия» рынка, начинающего делать заказ на многочисленные альковные истории из жизни царствующих особ. Налаживается серийное производство псевдо-исторических романов, псевдомемуаров и т. д., рассчитанных на невзыскательный вкус массового читателя.

Этапным для этого периода мы определили роман Д. Балашова «Святая Русь» в котором, как и в романе В. Личутина «Раскол», повести Л.Бородин «Царица смуты», вырабатывается новая концепция истории, основывающаяся на религиозных устремлениях авторов. Серьезная историческая романистика тяготеет к возрождению религиозно-исторических концепций Н. Карамзина и других историков и религиозных философов прошлого.

Д. Балашов, движимый идеей спасения России, предстает идеологом русского национального возрождения. Историческая концепция писателя сформировалась под непосредственным воздействием идей пассионарности Л. Гумилева, подвергаемого резкой критике в советский период. В балашовской концепции истории ядром является православие, которое писатель считает фундаментом в образовании русской нации в прошлом и спасительным началом в настоящем. Анализ языка, художественного времени, пространства, системы исторических и вымышленных персонажей позволяет выявить моделируемую писателем историческую картину мира. Художественно-исторический концепт, включающий философские, социальные, религиозные идеи писателя, не лишен противоречий. Д. Балашова отличает искрен-

нее желание быть религиозным. Но сознание писателя в высшей степени идеологизировано. Балашовское православие – это прежде всего религиозная идеология.

Совместив в рамках единого текста два временных пласта, исторический и современный, Балашов стремится постигнуть направленность временного движения. В понимании Балашова, оно предопределено свыше, открывается божьим избранникам, а через них охватывает народ. Все народы и страны изображены Балашовым через геополитические интересы России. Центральное место в романе занимает Россия с двумя центрами: политическим (Москва) и религиозным (монастырь).

Отказываясь от классового принципа, Балашов народное понимает как национальное, изображает сословия, лишая их чувства антагонизма. Избирательно исследуя социум, Балашов основное свое внимание сосредоточивает на боярстве и духовенстве, считая их стеновым хребтом нации. Единицей измерения исторического мира писатель избирает человека созидательного склада, движимого идеей, т.е. пассионария.

Таким образом, в объеме небольшой статьи на примере трех исторических романов разных периодов мы проследили не только индивидуальные отличия, но прежде всего изменения в общественном и эстетическом сознании. Это наглядно иллюстрирует мысль, что литература, развиваясь по своим внутренним законам, включается в общую социокультурную парадигму и ход ее развития определяют факторы внелитературные: философские, идеологические, социологические, психологические.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Успенский Б.А. История и семиотика // Избранные труды. В 2 т. – М.: Гнозис, 1994. – Т.1.